

Искусственный Интеллект RT

ЗАПОВЕДНИК МЕРТВЕЦОВ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

Лучшее
произведение
в жанрах «детектив»,
«триллер», «мистика»

Литрес

Искусственный Интеллект RT

Заповедник мертвецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67806741

SelfPub; 2024

Аннотация

Инженера Максима Андреевича отправили в глухомань провести технический аудит на секретном объекте. Добравшись до места командировки, он понимает, что ни местные жители, ни штатные работники ему не рады и много чего от него скрывают. Они не знают, что и у Максима Андреевича есть своя тайна, которая роднит его с местными жителями и могла бы объяснить, почему именно его прислали на эту работу. Однако все тайны откроются только тогда, когда по вине одного из местных жителей, который якобы был рожден кошкой, на поселок попытаются напасть сектанты-уголовники. И Максиму Андреевичу, и странному доктору, и капитану Исмогилову, и даже мертвым придется забыть о разногласиях и объединиться, чтобы отразить нападение, но закончится ли все на этом или стычка с уголовниками повлечет за собой другие трагические события? Это первая часть дилогии, вторая часть "Заповедник мертвецов. Продолжение" публикуется в разделе "Черновики".

Содержание

Нежва	4
Тревожный звонок	8
Где моя зажигалка?!!	13
Капитан дальнего плавания	23
Ликвидация	32
Бахилы и осиновый кол	41
Задание руководства	49
Трепанация Надежды	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Искусственный Интеллект RT Заповедник мертвецов

Нежва

В поселке уже везде погасло редкое уличное освещение, только на сельском магазине, массивном одноэтажном деревянном здании, почерневшем еще в советские времена, дико мерцала лиловая неоновая вывеска «Мясо-Электроника», из-за огромных размеров подходящая больше для городского магазина на центральной улице, чем для такой глухомани. Дверь в магазин была приоткрыта. За прилавком усталая пышнотелая продавщица разлила по стаканчикам рябиновую настойку – себе и седовласому импозантному мужчине в галстук-бабочке с капиллярной сеточкой на сером лице. Мужчина облокотился о прилавок, его влажный взгляд деликатно ощупывал формы женщины, она же придвинула собутыльнику вспоротую плитку шоколада и, наконец, спросила:

– Антон Палыч, скажи ты мне как доктор, посоветуй по соседски, что делать? Вот я и рентгеновские снимки уже сделала, а мне говорят – в центр надо с ними ехать, на прием

к специалисту. А на кого я магазин оставляю? Может, пропишешь какие-нибудь пилюльки что ли, или, ну не знаю, но чтоб я не моталась туда-сюда?

– Наденька Петровна, голубушка, а что вас, собственно, беспокоит?

– Да поясница, Антон Палыч. И между лопатками че-то так ноет: как начнет – потом и вовсе на голову перекидывается. С утра еще ничего, а к вечеру совсем невмоготу.

– Наденька Петровна, я же гематолог. По болезням крови больше. А вам к другим специалистам надо. И обязательно обследоваться сначала. Правильно говорят – в центр отправляйтесь. Что мешает-то?

– Да не могу ж я магазин оставить! – Женщина возмутилась непонятливостью доктора, выпила рябиновку, разлила еще, заговорщически придвинулась к доктору и начала излагать заготовленную с утра еще идею.

– Антон Палыч, по телику видела, что можно рентгеновские снимки в интернет отправить, специалисты посмотрят на снимки и лечение назначат. И ехать никуда не надо. Давай прямо сейчас отправим, а? Ты человек умный, по-медицински правильно их спросишь? У меня вот и снимки, и телефон с собой.

– Не получится. У вас телефон еще кнопочный. Не смартфон. Экран – черно-белый. На нем нет интернета.

– Да как же нету? Я когда симку покупала, сказали, что сколько-то там гигабайт бесплатно, смски – тоже. Да и рент-

геновские снимки тоже ведь не цветные. Давай отправим, а?

Доктор снисходительно улыбался, мечтательно глядя на пышнотелую Надежду, вертел испачканными шоколадом пальцами недоеденный кусочек, а другой рукой полез в карман за смартфоном. Не бог весть какой аппарат, но с доступом в сеть. Однако пока копошился, столкнул с прилавка пластиковый стаканчик – рябиновка вылилась на его белый плащ и деревянный обшарпанный пол. Доктор стал осматривать на себе кровавые пятна, искать платок, достал его и вдруг от неожиданности вздрогнул, обронив в небольшую лужицу и платок. Рядом с ним стоял высокий бледный и худой молодой человек в толстовке с капюшоном и вопросительно смотрел на Надежду. Та тоже от неожиданности всколыхнулась телесами, но тут же совладала с собой и недовольно буркнула:

– Как бы дала вот за то, что так подкрадываетесь вечно. Вот, ей-богу, бесит уже! Чего надо, нежить?!

– Террабайт памяти, – проскрипел молодой человек так, будто пенопластом по стеклу проскребли, и сглотнул.

Надежда кинула на весы полукилограммовый кусок свиной вырезки, посчитала что-то на калькуляторе:

– Чуть больше террабайта получается. Один и два. Возьмешь?

Молодой человек кивнул. Смел кусок свинины с весов, и медленно направился к выходу, на ходу отрывая зубами свежую плоть. После его ухода Надежда тяжело вздохнула, и,

взяв швабру, стала затирать на полу редкие капли крови от свинины. Заодно и пролитую рябиновку. Доктор налил себе еще.

Тревожный звонок

В старой деревянной избе посреди комнаты стоял массивный стол, на нем – большой и дорогой монитор с клавиатурой, беспорядочные листы официальных бумаг, чашка с остатками кофе, пепельница, доверху набитая окурками. В помещении стоял спертый запах курева. Зазвенел телефон. Из-под стола высунулась рука и стала разрывать ворох бумаг. Под ворохом прятался, и не очень удачно, проводной, доисторический, еще дисковый телефон с гербом. Рука взяла трубку.

– Майор Исмогилов на связи. Здравия желаю, товарищ генерал.

– Виктор Федорович, – голос на том конце провода был приветливый, но властный, – рад вас слышать в добром здравии. Решено направить к вам сотрудника на усиление в связи с прошедшими инцидентами. У него есть боевой опыт, недавно вернулся из командировки. Есть мнение, что такая необходимость наступила. Прибывает завтра, по расписанию. Необходимо встретить. Ввести в курс дела.

– Эээ... Так точно. Встретим. Введем.

– Это официальная легенда, Виктор Федорович. Причины его отправки не только в этом. Второе задание, связанное с этим визитом, только для вас и Антон Палыча. От того, как вы с ним справитесь, будет очень многое зависеть. Вы меня

понимаете?

– Дык... Да, конечно. Так точно. – Рука Исмогилова в поисках карандаша или ручки нервно смела половину бумаг на пол, вслед за бумагой чуть не грохнулась и пепельница.

– Отлично. Как я уже сказал, сотрудник побывал в командировке, имеет боевой опыт. Парень хороший, но в командировке с ним произошел неприятный инцидент. Ушел на задание в составе группы и вместо двух дней пробыл в тылу врага четыре. Вернулся один. Все остальные – двухсотые. Изложенные им в рапорте события подтверждаются, но медики, осматривая его, сделали неоднозначный вывод – телесные повреждения, с которыми он вернулся, могли быть получены в результате пыток. Психолог также утверждает, что моральное состояние сотрудника подавленное. Возникли подозрения, что он мог быть завербован. Надо за ним понаблюдать. Есть мнение, что в нестандартной обстановке он быстрее сможет раскрыться и выдать себя. Либо начнет искать связь с кураторами. Если что-то такое произойдет – вы должны зафиксировать и доложить.

– Так точно. Понаблюдаю. – Из-под стола с кожаной кушетки вскочил еще не совсем проснувшийся, взлохмаченный майор Исмогилов, до которого стала доходить важность миссии, которую ему поручали.

– И доктора подключите обязательно, Виктор Федорович. Пусть он также как психиатр в нем покопается. Перед этим возьмите расписку о неразглашении. Все по форме.

– Есть подключить! Хотя... – Исмогилов окончательно протрезвел, – Наш доктор – он же гематолог, а не психиатр...

– Гы, – довольно хмыкнули на том конце провода. – А Антон Палыч молодец, хоть что-то про себя не рассказал. Я думал вы там столько лет вместе, что друг про друга всю подноготную знаете. Он и гематолог, и психоаналитик. Если, конечно, от отсутствия практики не сдулся. Ввожу вас в курс. Бывает такое.

– Разрешите обратиться!

– Разрешаю.

– А если выяснится, что он завербован, то каковы мои действия?

– Ликвидировать. Но только в самом крайнем случае. Если будут неопровержимые доказательства того, что он завербован и попытается выйти на связь с кураторами, то для пресечения контакта – ликвидировать. Подчеркиваю. Очень взвешенно к этому подойти. При наличии неопровержимых доказательств. Если такое случится, не дай бог, конечно, и в доказательствах будут хоть малейшие сомнения – задолбашься объяснительные писать. И из органов вылетишь – это самый минимум. Парень хороший, за просто так терять его не хочется. По глупости – тоже. Все ясно? Вы уж не обижайтесь, Виктор Федорович, но навыки оперативной работы у вас там, в глухомани, скорей всего давно атрофировались, поэтому несколько раз повторяю о доказательствах. Кстати, у вас там на территории вы на многое закрываете глаза, что

нормально, лишь бы делу не вредило и рабочий климат сохранялся. Командировочный не из таких – может по началу рьяно отнестись к соблюдению законности, формализм демонстрировать. Тактично объясните ему, что принято, а что нет в поселке. Без конфликтов, ладно? И еще – он будет вести расследование насчет того, что популяция мертвяков сокращается. Так что окажите содействие.

После неожиданного разговора майор ФСБ Виктор Федорович Исмогилов задумчиво поставил кофейный аппарат на приготовление двойного эспresso и оглядел комнату как будто в последний раз. На стене рядом с портретом В.В. Путина висели российский флаг, благодарности и грамоты. Новость о том, что кто-то может его заменить (а он понимал, что и легенда об усилении, и задание оказать содействие в расследовании могли быть ширмой для плановой замены) ему не особо понравилась. Точнее – совсем не нравилась. Это в центре его работа могла восприниматься как ссылка – глухомань, рутина. И пусть! Его-то все более чем устраивало. Охота, рыбалка. Нравились надбавки за особые условия службы, нравилось, что контроль осуществлялся только по телефону. Ревизоры не приезжали, только коллеги – да и то, чтоб отдохнуть. Он, разумеется, понимал, что под видом отдыха они наблюдали, что у него да как, чтоб затем доложить наверх, но это не смущало – еще одна особенность службы.

Как-то вся жизнь и работа были налажены самым удобным образом. Хоть он и числился бобылем, но имелись па-

рочка женщин в поселке, к которым он захаживал по очереди. Обе друг про друга знали, но даже тут эксцессов не возникало. Все в его жизни и работе было как-то очень комфортно и складно устроено. Место службы менять абсолютно не хотелось – это означало бы... Впрочем, Исмогилов даже представлять не хотел, как пришлось бы менять жизнь. Короче говоря, сегодняшнее утро, по мнению Виктора Федоровича, не задалось.

Где моя зажигалка?!!

– Итак, с какой целью вы вышли на пикет с плакатом, на котором утверждали, что глава государства занимается ма-
струбацией?

– Это мое мнение.

– На чем основано это ваше мнение? Чем-то вы его можете аргументировать?

– Мне кажется, что термин «самодержец» вполне применим и к любому онанисту. Это не противоречит ни нормам русского языка, ни тому, что любителя данного физиологического процесса можно назвать и так.

В кабинете опера отдела «Э» было душно и тоскливо.

А ведь действительно получается просто блуд. Приводишь себя, сначала поглаживая пальчиком, а затем и всей пятерней жамкая, в сиюминутный восторг, а в результате полотенце оказывается в грязном белье. В этом смысле и путь к сердцу девушки приводил Кирилла в точно такой же волокнистый тупик. Он искренне не понимал и не мог принять тот факт, что результат завязан на предшествующем ему процессе. Ему казалось, что если хочется автомобиль – тот должен появиться без каких-либо усилий. Хочется девушку или счастья – это тоже должно на тебя свалиться просто так. Тем более что, как правило, корреляция между затраченными усилиями, полученными эмоциями, допустим,

радостью, от достигнутого результата и, собственно, результатом, почему-то всегда оказывалась с понижающим коэффициентом не в твою пользу. Разочаровывающих примеров в жизни Кирилла было предостаточно.

Как-то раз он поиграл на игровой приставке у однокурника всю ночь. Родители приятеля уехали на дачу, а на следующий день вернулись. Игру пришлось закончить. Кирилл сразу же захотел приставку, чтоб не зависеть от такого рода обстоятельств. Копил, работал, буквально недоедал. В результате через пару месяцев удалось заполучить, разумеется в кредит, заветный девайс, оплатив первый взнос. Наигрался за месяц, и после к приставке не притрагивался. Кредит же пришлось гасить еще полгода. С тех пор в справедливость обменного курса затраченных усилий по отношению к результату он не верил.

И как же можно было объяснить оперативнику отдела «Э» эту концепцию? Как объяснить, что Кириллу важен был процесс, из которого он черпал энергию жизни, а не результат, следующий за ним? Так он сидел перед оперативником в задумчивости, пока тот заполнял в бланке допроса установочные данные, и машинально вертел в руках оставленную кем-то на столе зажигалку. Неожиданно дверь кабинета распахнулась, в кабинет ворвался паренек в такой же, как у Кирилла, серой толстовке с мокрым лицом, взъерошенными волосами и истерично вскрикнул: «Где моя зажигалка?! Не оставлял?» Однако почти сразу заметил ее в руке Кирил-

ла, выхватил и так же стремительно умчался. Кирилл пожал плечами, достал свою, и снова занял пальцы бесполезным занятием.

– Как ты попал-то в эту компанию и докатился до жизни такой? Мне просто интересно. Ты ж завсегда абсолюто всех акций протеста. Такое ощущение, что тебе без разницы, против чего протестовать, главное протестовать. – спросил оперативник. Не то, чтобы ему это было интересно, но надо было как-то разговорить Кирилла и подвести к нужным показаниям. – Объясни, зачем сегодня оказывал сопротивление сотрудникам полиции на несанкционированной акции протеста? Зачем оскорбительные лозунги выкрикивал в адрес президента и премьера?

– Вы будете, наверное, удивлены, но я ни в чем не виноват. Я не могу и не должен нести никакой ответственности за все эти поступки. Могу доказать.

Опер удивленно откинулся на спинку стула и кивнул – дескать, слушаю внимательно.

Началось все как-то случайно. Еще в студенческие годы. Вокруг его длинноволосого неформального однокурсника Пчелкина постоянно крутилась стайка таких же безбашенных, как он, но очень милых девушек. Застенчивый тогда еще Кирилл предложил как-то вместе выпить пива, пообщаться. Буквально через пару выпитых бутылок, они вместе с однокурсником уже мчались на какую-то тусовку в больницу, где их общий знакомый подрабатывал сторо-

жем. Больницу по ночам студенты благополучно использовали для пьянок и разврата. Кириллу понравились сначала пьянки и разврат, но потом, как-то незаметно, он оказался втянут в первую акцию протеста.

Выйдя утром, не то, чтобы с похмелья, а скорей еще пьяными, Кирилл вместе с шестью собутыльниками-неформалами заскочили в автобус до университета. Денег ни у кого не было. Когда автобус тронулся, Пчелкин объявил всем пассажирам: «Товарищи! Я последний король вандалов! Автобус национализирован Анархистами Седьмого дня! Платить за проезд не нужно!» Тут же кто-то достал заранее отпечатанные листовки и стал раздавать пассажирам. Кирилл был не в курсе, что акцию спланировали заранее, но с удовольствием подключился к раздаче. Весело же. После первого крещения, последовали другие, более радикальные акции.

Разбили, например, как-то палаточный лагерь около крупной нефтяной компании с плакатами «Нефтяники – убийцы!», «Хватит загрязнять нашу землю!». И несколько суток жили в палатках. Менгты дежурили, но почему-то не пытались лагерь ликвидировать. Особого драйва от житья в на асфальте под брезентом Кирилл не почувствовал и, скорей всего, ушел бы из него раньше времени под благовидным предлогом, если бы не реакция нефтяников. На протестующих натравили каких-то пьяных гопников, и началась потная возня среди пластиковых бутылок, окурков и в кровавых лужах разлитого борща. На кураже Кирилл умудрился одно-

го из нападавших замотать в палатку, другого повалить на землю. Мельком зафиксировал восхищенный взгляд давно приглянувшейся девушки, но затем его повязала полиция.

Отсидев три дня в обезьяннике, по выходу Кирилл получил долгожданный бонус в виде начавшихся, довольно трепетных, отношений с девушкой, оценившей по достоинству его бойцовские навыки. Они стали первыми отношениями в его жизни. Разврат в больнице никак не мог считаться таким опытом из-за постоянной смены партнерш, которые, похоже, и сами были не особо заинтересованы в моногамии. Девушка оказалась еще более радикальна, чем Кирилл, – на общих собраниях рубила плеча, часто обвиняла соратников в трусости, если те не соглашались, например, приковать себя наручниками к грузовому поезду, на котором должны были перевозить химические отходы. Так что, хоть пьянки и разврат в больнице частично исчезли из жизни, его протестная деятельность стала только насыщенной. Примерно так, издалека, начал подводить оперативника к главному тезису о своей невиновности Кирилл, но тот не оценил масштаба повествования.

– А боролись-то все-таки за что? И почему ты не должен за это отвечать?

Кирилл недоуменно, как на непонимающего, посмотрел на собеседника и продолжил.

– Нельзя сказать, товарищ лейтенант, чтобы я разделял идеологию протеста. Я вам больше скажу – я в нее даже не

вдавался. Листовки с призывами даже почти не читал. Я парень из деревни. Искал в городе, за какую бы тусовку уцепиться, чтобы себя как-то обозначить принадлежностью к чему-то. Это, во-первых. Во-вторых, разумеется, и это самое главное, драйв и адреналин. До сих пор коленки дрожат перед всякой акцией. Помню, как-то стоял перед залом областного парламента, чтобы ворваться туда и раскидать листовки. На голове противогаз, дышать трудно, лицо горит, и, знаете, этот мерзкий холодный пот струйками вдоль позвоночника. И малодушные мысли – бежать не в зал, а на улицу. Но если переступаешь этот страх, то получаешь ни с чем не сравнимый кайф! Адреналиновое возбуждение. Уже потом, после акции, хочется рассказывать о своем подвиге, а слов подобрать не можешь, фразы глотаешь и не договариваешь, захлебываешься слюной, глаза расширены... Вы, товарищ лейтенант, испытывали такое?

Опер неопределенно покачал головой. Кирилл продолжил.

– Идеология оказалась капканом для членов движения «Анархисты Седьмого Дня». Наверное, любая идеология рано или поздно заводит своих последователей в тупик. И теперешних унылых борцов с коррупцией заведет. Уж я-то знаю. Если вы помните, у нас случались более интересные и креативные акции, чем сейчас у молодых. Мы захватывали администрацию города и держали оборону целую неделю. Приковывали себя наручниками к дверям различных учреждений.

Митинги и пикеты представлялись нам архаичной формой протеста. Впрочем, в то время и законодательство к таким как мы было менее строгим. Если и арестовывали, то, как правило, не более чем на трое суток. Сейчас все строже и жестче. Но наше движение сошло на нет не из-за этого.

Идеологи движения разочаровались в людях. Мы боролись за их интересы, сидели в каталажках, ночевали в палатках, нас избивали, но мало кто к нам присоединялся. Люди приходили, говорили о своей проблеме, просили нашей поддержки, но сами участвовать в акциях категорически не хотели. Идеологи обиделись на людей. Те, кто нас юзал, как правило, отсиживался в кустах. Как будто ради мертвых стараешься. На фоне мертвецов нетрудно прослыть пассионарием. Какое-то время этот ореол героя и мученика грел, но затем наступило разочарование. Разочарование в людях.

– У тебя тоже?

– А у меня-то с чего? Я ж на акциях ради адреналина, а не за что-то конкретно. Или против чего-то. Я придумал в своей жизни только одну акцию, которую мы реализовали. И она не была протестной. Наоборот – мирной. Хотя исполнили мы ее радикально. Может, помните? «Поле мира» называлась. Я как раз тогда расстался со своей девушкой. Не то, чтобы сильно переживал, к тому времени у меня уже завелись поклонницы и свой круг общения, но депрессняк периодически накатывал. Девушка при расставании в сердцах довольно грубо бросила, что она на одном поле со мной да-

же срать не станет. Из этого, устойчивого, в общем-то, выражения и родилась идея акции. В то время шел нешуточный конфликт между газовиками и нефтяниками. То ли какие-то земли они не поделили, то ли месторождения, фиг их разберешь. Конфликтовали везде, где только можно, – в СМИ друг про друга регулярно компромат сливали, натравливали прокуратуру и полицию, другие проверяющие органы. Нанимали людей для уличных акций протеста. В общем, дрались – не то слово. Между ними шла настоящая война. Информационная, подковерная с привлечением чиновников и ведомств. Однако война войной, а обед, как говорится, по расписанию. На майские праздники руководство и газовиков, и нефтяников традиционно вывозили персонал за город на корпоративы. Базы отдыха находились не так, чтобы совсем близко друг от друга, но примерно в одной стороне. Вывозили сотрудников организованно на автобусах.

Мы заменили водителей автобусов на своих соратников. Как? Кого-то тупо накануне напоили, кого-то соблазнили молодой активисткой. В автобусах на каждое сиденье положили бутылку с водой, в которую подмешали пурген. Запаслись туалетной бумагой. Через какое-то время по многочисленным просьбам возжелавших вдруг посрать тружеников нефти и газа остановились около заранее выбранного поля. Кто пил воду – моментально выскочили, кто – нет, остался. Из одного автобуса выскочили нефтяники, из другого, следовавшего за ним, – газовики.

Теперь, товарищ лейтенант, представьте картину. Поле. Около одного автобуса у кромки поля срут нефтяники, около другого – враждующие с ними газовики. На том же поле. Мы сфотографировали все это и распространили в интернете – «Газовики и нефтяники срут на одном поле: мир, дружба, жвачка!». Назвали акцию «Поле мира». Фотографии разлетелись по соцсетям и СМИ. Акция вызвала хорошую реакцию. После какие-то серьезные дяди из Москвы заставили враждующие стороны прекратить военные действия друг против друга.

– Рискованно. Никто на вас заявление в полицию не написал за попытку отравления?

– Обошлось. Это была последняя акция анархического движения. Все старички куда-то разбежались. Разочарованные в людях. В собственной нужности. А я присоединился к борцам с коррупцией. Мне снова насрать на то, кто сколько украл. Мой организм требует адреналин. Именно поэтому я не должен нести ответственности за все эти выходки. Не я, а потребность организма в адреналине определяет мои действия.

– Если исходить из твоей логики, то наркоманы и алкоголики тоже должны быть освобождены от ответственности?

– Не-не, не путайте сознательное с осязательным. Алкоголики и наркоманы в какой-то момент сами осознанно выбрали себе путь, который привел их к зависимости. А я такой путь не выбирал. Организм у меня такой. Он не может

без адреналина. Именно поэтому я не должен привлекаться к ответственности за свои действия.

– Предлагаешь тебя на лечение отправить?

– Тоже неверно – тогда давайте всех отправлять. Тех, у кого избыток серотонина, отправлять на лечение, чтоб сильно жизни не радовались. Тех, у кого дофамина в избытке, изолировать, чтобы целеустремленность снизить. И...

– Подпиши здесь и здесь. – Перебил его опер. – И свободен. До суда. А в суд можешь справку принести об адреналиновой зависимости, и как она за тебя все решает. Глядишь – прокатит.

Кирилл вышел из душного кабинета и сразу направился в туалет. Ополоснул лицо холодной водой. Он совершенно не беспокоился о том, что его ждет. Он через это уже много раз проходил. Будет суд. Так как он официально безработный, штрафовать его не будут. Назначат 100 или 200 часов обязательных работ. Тут он что-то вспомнил и кинулся бегом обратно в кабинет к оперативнику: «Где моя зажигалка?! Не оставлял?» В кабинете сидел уже другой задержанный. В такой же, как у Кирилла, серой толстовке, и крутил в руке его зажигалку. Кирилл ее выхватил и так же поспешно вышел. Ситуация ему что-то напомнила. И не только напомнила. Может, действительно в больнице справку для суда взять? И забухать, чтоб убить время.

Капитан дальнего плавания

Инженер Максим Андреевич Боширов-Петров оказался в затруднительном положении. Он приехал на железнодорожный вокзал задолго до посадки, в кассе по командировочному листу и служебному удостоверению получил билет. В билете было четко обозначено – платформа № 5, путь № 9. Спустившись в подземный переход, он дошел до четвертой платформы и метров через пять уткнулся в тупик. В тупике была только небольшая деревянная и обшарпанная дверь, которая никак не походила на проход к перрону, скорей – на служебное помещение. Тем не менее, он подергал ручку на себя. Затем потолкал дверь. Она, разумеется, не открылась – кто ж держит незапертыми двери служебных помещений? Он вернулся к выходу на четвертую платформу, чтоб при свете еще раз проверить билет. Разумеется, все он запомнил правильно – пятая платформа, девятый путь.

Промелькнули, как тени, смешанные эмоции. С одной стороны досада, с другой – чувство удовлетворения от собственной прозорливости. Обилетившись, он хотел было, благо времени оставалось прилично, выпить где-нибудь кофе и потом уже идти на перрон. Но решил перестраховаться – посмотреть, где находится пункт посадки. Не зря. Вернувшись, он обнаружил, что касса, в которой он брал билет, закрыта, в других была очередь. Так же как и в справочную.

Под электронным табло санитары деловито укладывали на носилки умершего, похоже, бомжа. Полицейский с врачом, лениво переругиваясь, заполняли бумаги. Если бы людей хоронили там, где они скончались, у бомжа оказался бы на зависть всем ультрасовременный надгробный камень – электронное табло с регулярно обновляющейся эпитафией. Почему, кстати, жанр эпитафии не получил своего развития? Как застыл еще при древних греках в стихотворных кратких изречениях, так в этой форме до сих пор и пребывает. Вполне реально ведь ставить на могилы какие-нибудь всепогодные экраны, на которых транслировались бы нон-стоп любимые видео покойного, многочасовой фильм о нем, отзывы друзей. Кто-то со временем наверняка догадался бы установить камеру с подсветкой к себе в могилу и транслировал процесс гниения как на экран, так и в онлайн – например, какой-нибудь телевизионный репортер назвал бы могильный перфоманс «Мой последний репортаж». Художник – «Мир, я тоже разлагаюсь!» Такие примерно буйные фантазии пронеслись вихрем у Максима, что его очень удивило.

Он был технарем, формалистом, скучным в общении, мыслил только предметными категориями – параметрами технических изделий, автоматизированных систем управления, структурами программного кода и формулами. Всплески гуманитарных, не технических фантазий были ему совершенно несвойственны, и он списал их на пограничное состояние сознания. Всю ночь перед поездкой он не мог уснуть

из-за взбунтовавшегося желудка, отказавшегося вдруг принимать любую пищу.

Между тем, на электронном табло его рейса не значилось. Это уже эпитафия по его поискам или еще есть надежда? Было непонятно и тревожно. С пешеходного надземного перехода нужная платформа тоже не проглядывалась.

Вполне допуская, что кассирша, впечатывая данные в билет, могла ошибиться, он категорически не мог допустить, что, выписывая командировочные бумаги, могли допустить ошибку его коллеги. Точнее где-то на периферии сознания он мог допустить и это, но одновременно ошибки двух разных ведомств абсолютно точно произойти не могли. Кофе отменяется.

Вернувшись в подземный переход, он решил осмотреть выходы на перроны с обеих сторон. Он знал, что на некоторых вокзалах такое бывает – справа может быть выход на четвертый перрон, а слева – на пятый. Максим в прошлый раз двигался по правой стороне. Значит, сейчас пройдет по левой...

Это тоже ничего не дало. Он снова уперся в тупик. Но в этот раз у дверей подсобки стоял молодой человек в форме проводника и в полумраке, подсвечивая миниатюрным фонариком, что-то записывал в блокнот. Растерявшийся инженер достал билет и обратился к проводнику:

– Уважаемый, подскажите. То ли ошибка в билете, то ли я туплю. В билете пятая платформа и девятый путь...

– Давайте ваш билет, – не отрываясь от блокнота, сверкнул ослепительно белыми зубами проводник. Подсветил фонариком оранжевый квиток, сверил с посадочным листом, а затем открыл дверь в подсобку (оказывается, она открывалась не внутрь или на себя, а как в лифте, задвигалась в стену). – Проходите.

За дверью оказалась слабоосвещенная лестница, уходящая вниз. Максим не слышал, чтобы в городе имелась подземная железная дорога, а потому захотел еще раз все уточнить, но проводник опередил. Он снова закрыл дверь и подсветил фонариком надпись на ней. Там и вправду на съемной табличке было написано: «Платформа № 5, Путь № 9». Проводник снова открыл дверь и ободрил: «Проходите-проходите, не заблудитесь!»

Максим спустился по лестнице и, миновав три пролета, оказался в похожем на станцию метро зале. Даже вход в вагон был на уровне пола. Только перрон оказался намного меньше. Точь-в-точь размером для одного вагона. На посадке никого не оказалось. Он зашел, и пустой вагон, реагируя на его вес, как-то странно покачнулся. Как будто это был не вагон обычной электрички, а лодка на воде. Может какая-нибудь магнитная или воздушная подушка? Не могут же ресоры так реагировать?

Он уселся и достал планшет. WiFi, разумеется, не было. Только запустил шахматы, чтоб убить семь часов поездки, как сзади по плечу его кто-то тактично ткнул. Оказалось –

проводник.

– Извините, вас разве не предупреждали – на время пути все электронные приборы необходимо выключить.

Ну – точно на магнитной подушке. Надо же.

– Как в самолете? – усмехнулся Максим, выключая гаджеты, и неловко, как технарь, пошутил – а на английском эту просьбу не повторите?

– На английском я знаю только матерные выражения. Из фильмов. Могу вам предложить чай, кофе, бутерброды газеты и книги. Через пару часов будет готов комплексный обед. Но его можете заказать и позже. Это режимный объект, поэтому рекомендую отнестись серьезно к нашим требованиям.

Режимный объект, да. Задание ему не формализовали. Объяснили в общих словах – провести технический аудит. Зачем-то оформили штатным сотрудником регионального УФСБ, оформили допуски, взяли подписку о неразглашении. Выдали документы и провели инструктаж. Для чего, зачем – никто не объяснял. Повторяли, что инструкции будут переданы уже на месте и выдали планшет, через который они будут доставлены. И эта неизвестность его раздражала – не потому что неопределенность в принципе раздражает, а потому что она могла помешать выполнению работы. В какой сфере необходимо было провести технический аудит? Связь? Электроника? Оценить программное обеспечение? Максим мог бы заранее подготовиться, закачать справочные

материалы – неизвестно же, что в этой глухомани будет с интернетом, – но никаких уточнений не было, поэтому он закинул на жесткий диск все подряд.

Между тем, кофе в наличии оказался только растворимый. Выбор, разумеется, пал в таком случае на чай. Ну и на бутерброд с заветренной красной рыбой непонятного происхождения. Тронулись. Плавно как будто отчалили от берега. За окном появилась старая кирпичная кладка тоннеля, вид которой успел надоесть еще до того, как с перекусом было закончено. Иногда вагон задевал стенки тоннеля, и Максим все гадал – по какому техническому принципу движется эта электричка? Кое-какие мысли на этот счет появились, затем отошли на задний план и трансформировались в глянцево-открытки расплывчатых сновидений – укачивало.

Расфокусированный до уровня мерцающей голографической картинке генерал (его официальный куратор текущего задания) объяснял, что работать Максим будет под прикрытием кирпичной кладки, что необходимо притвориться вагоном, чтобы войти в доверие к дилерам, торгующих чем-то важным. Чем именно – не уточнялось. Расплывчатое лицо генерала трансформировалось, согласно физическим законам сновидений, сначала в образ кроваво-синей пчелы по имени Хилари, затем в лицо надувной резиновой женщины, находящейся почему-то под водой. Сначала прозрачная, затем помутневшая вода медленно превратилась в черную. То ли генерал, то ли пчела, то ли резиновая женщина исчезли

в жидкой мгле.

Затем из мглы появилась черная женщина – почему-то Максим знал, что эту афроамериканку зовут Джессика, она многодетная мать из штата Небраска. Она показала кукиш и заявила, что отказывается отвечать на вопросы без адвоката. Тут же появился адвокат. Это был маленький мальчик, который как бы бежал, а на самом деле отталкиваясь то одной, то другой ножкой проплывал из комнаты на кухню в интерьере тесной хрущовки. Джессика взяла Максима за запястье металлической холодной рукой и куда-то поплыла с ним по узким коридорам. Максим пытался вырвать руку, но не получалось. Иррациональный ужас почти поглотил его, но буквально тут же декорации стали рушиться, послышались всплески воды, сквозь веки забрезжил солнечный свет. Где-то на периферии сознания мелькнуло: выехали из тоннеля? Максим, вздрогнув, открыл глаза.

Понять по картинке, которую он увидел, – продолжение ли это сна или действительно явь – оказалось спросонья проблематично. Вагон оказался посередине широкой реки где-то в тайге. Берега в виде отвесных скал были обильно покрыты величавой осенней растительностью. Напротив Максима сидел небритый полноватый мужик с плутовской улыбкой и вертел в руках ключи от наручников. Инженер Максим Андреевич Боширов-Петров правой рукой был прикован к сиденью. Что за хрень!

– Здорово, Максим! – радостно воскликнул мужик. – Ну,

ты и поспать. Я уж час с тобой попутчиком, а ты все пять проспал. Давай знакомиться, Виктор Федорович Исмогилов. Твой коллега. Можно просто – Витя. Мы с тобой теперь напарники.

Виктор Федорович потянулся для рукопожатия, затем как бы невзначай перевел взгляд на прикованную руку собеседника, грубовато заржал – ах, да! – и протянул ключи. Максим снял наручники и с непроснувшейся еще претензией устался на Исмогилова. Дать бы ему в бубен за дурацкие шутки, так ведь работать еще с ним.

– Максим, извини, перегнул палку с наручниками. Скучно стало. Ты так крепко спал. Будить сначала не хотел, но я уже час здесь. Достал у тебя документы – ты не просыпашься. Зеленкой тебе усы подрисовал – все равно спишь. Ну, приковал тебя наручниками – думал, что неудобно станет – проснешься, так и вышло. Кофе будешь?

– Я растворимый не пью, другого здесь нет, – буркнул Максим, роясь в портфеле в поисках зеркала (ну точно – дебил, приколы как в детском саду – надо же додуматься зеленкой измазать). В это время к ним подошел проводник, и Максим обратился к нему. – В туалете тут зеркало есть?

– Максим, ну ты че! Да пошутил я насчет зеленки! Успокойся! И кофе у меня хороший – из термоса. Сам варил. Авторская обжарка зерен, все дела. Держи. Налил уже. Сахар сам клади – я ж не знаю, как ты пьешь.

С первым глотком действительно вкусного кофе Макси-

му показалось, что майор Исмогилов не такой уж и мерзкий. Шутки дурацкие, конечно, да и бухает, судя по опухлости, прилично, но в общем можно сработаться. Поймав себя на смене отношения, Максим отметил – физиология правит сознанием.

Ликвидация

В вагоне майор не замолкал, но ни словом не обмолвился о работе. Рассказал про природу, где лучше ловить хариуса, как правильно готовить строганину из муксуна, под какие напитки ее употреблять, сколько грибов он в этом сезоне заготовил, а также – откуда и как ему присылают в элитный кофе. Выяснилось, что попал он в вагон плавучей электрички на своей моторной лодке, пришвартованной сейчас к вагону, и скоро (да уже пару часов осталось!) они на ней и доберутся до берега, потому что – так удобней. Да и быстрее получится.

Проводник регулярно подходил и интересовался – не желают ли пассажиры что-то из меню? Виктор Федорович довольно грубо ему отказывал («Fuck off!»), но на проводника, кажется, это не производило никакого впечатления. «В какой-то момент вылетает, значит, лось на манок, и тут у тебя два выхода – либо завалить его, либо он тебя трахнет, у него же брачный период, понимаешь, да?» Проводник, не обращая внимания на злобный взгляд майора, присел рядышком, чтобы дослушать рассказ. Не так чтобы совсем рядом, но достаточно близко, чтоб показать, что и ему охотничьи байки интересны. Виктор Федорович демонстративно прервал рассказ на полуслове, посмотрел на часы, и скомандовал: «Ну, что, Макс, хватай вещи, меняем судно. А то прямо чешутся

руки уши кому-то надрать!»

Пока пассажиры садились в лодку, проводник суетился вокруг, предлагал донести вещи («жопу свою до туалета донеси» – обрезал Исмогилов), спрашивал – не надо ли чего в дорогу перекусить, а то ведь долго, наверное, еще добираться? Максим не знал, сколько еще добираться, но из-за грубости напарника испытывал чувство неловкости, поэтому попросил сделать с собой пару бутербродов. «Да, да, конечно! Сейчас принесу!» – охотно согласился проводник, но почему-то никуда не ушел, а остался смотреть, как пассажиры перебираются в лодку, как Виктор Федорович заводит мотор. Даже, когда отъехали, провожал взглядом до тех пор, пока они не скрылись из виду. Станный.

Из-за шума мотора разговаривать не было никакой возможности. Максим любовался на суровый фронтиспис уральской природы с золотыми вставками наступающей осени. Река была метров триста в ширину, по пути в нее то и дело вливались речушки чуть поменьше, однако не очень часто. Практически весь путь берег состоял из скалистых и отвесных гор. Также изредка попадались короткие равнинные участки, куда при желании можно было бы высадиться. Однако Виктор Федорович к берегу не приставал и на всей мощи гнал куда-то по течению, как будто старался как можно дальше оторваться от вагона электрички. Таким и было его желание, как выяснилось чуть позже. Примерно через полчаса они, наконец, пристали к берегу. Максим помог спря-

тать лодку в прибрежных кустах, так, чтоб не было видно с берега. В кустах были спрятаны еще несколько катеров с мощными дорогими моторами.

– Пришлось, раньше смотаться из-за проводника. Достал он меня, – объяснил Исмогилов, когда спрятали лодку, и сразу перешел к сути. – Значит, так. Сейчас мы с тобой поднимемся на вершину этой скалы. Там у меня схрон, надо кое-что достать. Пока взбираемся, я расскажу тебе про объект, куда направляемся. Двигаемся быстро, от меня не отставай. Готов? Тогда за мной.

Скала отвесно нависала над рекой и казалась неприступной – без альпинистского снаряжения на нее было не взобраться, но, похоже, Исмогилов знал, как добраться до вершины по невидимой с берега тропе.

– Объект, на который ты скоро прибудешь, не совсем обычный. Это что-то вроде дата-центра. Или самого мощного в мире компьютера. Или искусственного интеллекта. Или вообще все в одном. Объект секретный, потому что компьютер работает, скажем, так, по биологически-химическому принципу, а не на привычных микросхемах, процессорах. Такой принцип работы позволяет задействовать на порядки меньше электричества, а раз потребление электричества незначительное, то и для разведки нашего вероятного противника объект обнаружить очень и очень затруднительно. Если не сказать невозможно. Не отстаешь?

– Иду-иду. Какой смысл прятать самый мощный компью-

тер в мире? Этим, мне кажется, гордиться нужно.

– Правильный вопрос. Ты знаешь, что в сумме вычислительные возможности всех компьютеров в мире все равно меньше, чем возможности мозга одной человекоединицы? И при этом мозг потребляет на свою работу всего 20 ватт. Сейчас, по-моему, даже таких тусклых лампочек не выпускают.

– Только не говори, что мы едем на объект, где в качестве самого мощного компьютера в мире используется мозг человека. Не верю я в такие научные прорывы. Ученые ведь помешаны на этической стороне изобретений, особенно после появления ядерной бомбы. Вряд ли они бы даже приступили к таким опытам.

– Нет, ни над чем таким ученые не работали. Перед Великой Отечественной войной в этих местах случайно обнаружилась аномалия. А именно – живущую достаточно замкнуто малочисленную народность Абу из группы финно-угорских народов. Тут ссыльный край, как ты знаешь. В конце 1930-х годов недалеко построили исправительно-трудовой лагерь для политзаключенных. Основным контингентом оказались репрессированные ученые. Многие очень именитые. Зэки время от времени контактировали с местными. И со временем репрессированные профессора и академики стали замечать, что есть местные нормальные и обычные люди, а есть какие-то очень странные. Эти странные приходили только по ночам, проникали беспрепятственно, куда хотели. Охрана их сначала пыталась гонять, но потом даже внима-

ние перестала обращать – заключенных не подкармливали, никому не мешали. Чрезвычайных ситуаций не создают, ну и ладно. И вот как-то во время одного из теоретических споров между учеными выяснилось, что этим странным местным есть что сказать. Абсолютно равнодушно и даже монотонно (они и сейчас так разговаривают, потому и знаю) они стали разжевывать выдающимся репрессированным физикам, химикам и инженерам практически любые спорные вопросы. При том – с формулами, вычислениями, готовыми данными. Сказать, что ученые были в шоке – ничего не сказать.

– Ну да. Народность, чьей характерной чертой является высокий интеллект – это на фантастику похоже. Я бы тоже в шоке был.

– У представителей народа Абу интеллект не выше и не ниже, чем у других. Дело не в этом. Как-то ученые днем на лесоповале поспорили и обратились к местному – мол, рассуди наш научный спор. И давай ему втирать, что-то про ядерную физику. Тот пальцем у виска покрутил – дескать, не понимаю, что за дурь вы несете. Тогда они попросили его позвать человека, который к ним по ночам приходит, и описали гостя. Местный рассмеялся – так к вам мертвяк приходит, это дед мой, он лет десять как помер, увижу – попрошу, чтоб зашел.

– Это он так пошутил что ли, насчет того, что «увижу и попрошу, чтоб зашел»?

– Да в том-то и дело, что нет. К ним мертвые после смерти возвращаются. И в этом особенность этого народа или этой местности – не знаю. Факт остается фактом возвращаются после смерти в той же телесной оболочке. Ходят, разговаривают, даже что-то по хозяйству семье помогают. Их местные, кстати, раньше так и использовали. Ведут себя разумно и неагрессивно. При этом холодные, как мертвецы, и ко всему равнодушны. Не испытывают никаких эмоций ни к родным, ни к близким. И заключенным местные это буднично так рассказали. Как будто, так и надо. Потом зеки выяснили, что у них мирное сосуществование с мертвяками – такое же привычное явление, как у нас с кошками или с собаками бок о бок жить. Они так веками живут.

– И мозг приходящих мертвяков при этом работает на несколько порядков выше, чем все компьютеры в мире?

– Ага. Я в документах не копался, но, говорят, что и изобретатели «Катюши», и создатели атомной бомбы, и космические разработки – все здесь обсчитывалось. Кстати, в сороковые годы руководство страны пыталось дискредитировать кибернетику и называло ее лженаукой именно потому, что вычислительные мощности у СССР уже имелись, но надо было всему миру показать, что их как бы нет, и они нам не нужны. Недолго, правда, на этой дезинформации продержались.

– А ты меня не разыгрываешь, Виктор? Я заметил, у тебя шутки не всегда удачно получаются.

– О, вот мы и пришли. Давай-ка уберем этот валежник. – Виктор начал откидывать от скалы ветки, за ними оказался вход в небольшое углубление. Он втиснулся в углубление и уже оттуда ответил – Макс, уже сегодня ночью ты увидишь первых мертвяков, поэтому, на фига, мне пургу гнать? Ну и, сам знаешь, есть приказ ввести тебя в курс дела, я – ввожу. Приказ – это не шутки.

Из углубления сначала показалась массивная сумка, затем Исмогилов: «Давай подтащи ее!» – Максим вытащил сумку. Виктор с видимым удовольствием расстегнул молнию, достал сначала армейский бинокль еще советского образца, затем РПГ-18 «Муха» в сложенном виде: «Глянь, Макс, раритет какой! Поди, и не стрелял из такого!» Последней он достал снайперскую винтовку Драгунова, затем пару гранат, но, секунду подумав, засунул их обратно.

– Значит, Максим Андреич, диспозиция такая. Сейчас поднимаемся на вершину и ждем вагон. Он вот-вот должен подойти. Ты держишь наготове винтовку, я шмаляю по вагону из «Мухи», ты мне сразу передаешь винтовку, а сам ведешь наблюдение в бинокль, чтоб этот проводник нигде не выплыл. Если все-таки выплывать начнет, и ты первым увидишь – сигнализируй.

– Витя, это ты его за то, что он твои охотничьи байки подслушать хотел?

– Смешно. Ага. Живо наверх!

Площадка на вершине оказалась действительно очень

удачной для операции – просматривалась вся река, к тому же она немного огибала скалу, что увеличивало сектор обстрела. Минут через десять показался вагон. Виктор и Максим приготовились. Когда вагон стал проплывать прямо под ними, Исмогилов выстрелил. Затем бросил использованный тубус, забрал винтовку и через прицел стал наблюдать за тонущим вагоном, расколовшимся пополам от взрыва. Максим тоже наблюдал через бинокль, но по характеру повреждений понятно было, что выжить в вагоне никто бы не смог. В воздухе терпко пахло гарью.

– Виктор, может, объяснишь, что это было?

– Санкционированная операция. Этот проводник – ЦРУшник. Его приказано ликвидировать. Причем именно здесь. Есть вероятность, что он, погибнув в аномальной зоне, превратится в мертвяка, придет к нам и расскажет что-нибудь интересное. С живым больше мороки. 12 лет назад легализовался в России по поддельным документам, женился даже, устроился на РЖД работать, затем за взятку напросился на этот маршрут. Знать-то они не знают, конечно, что именно здесь находится, но им известно, что объект секретный, поэтому пытаются проникнуть. Не первый раз уже.

– И вагон утопить тоже санкционировали? Смотри, какая природа, река чистая, а ты на дно груды металлолома отправил, зачем?

– А тебе за семь часов не надоело на деревянных сиденьях жопу отсиживать? Я сколько раз просил заменить вагон

на более современный! Ну, чтобы хоть сиденья мягкие были, – реально задолбало на деревяшках сидеть. Ты-то один раз проехался, а я в месяц не один раз туда-сюда мотаюсь. Жопа уже в полоску, как кроссворд от этих сидений. Насчет экологии – не парься. Приедут наши – все достанут.

Пока болтали – спустились со скалы, и Виктор пообещал, что за полчаса до поселка они доберутся по тропинке, которая срежет путь: «По дороге мы пешком будем километров 30 топать. Я если налегке – всегда по тропинке, а если с грузом приезжаю, то машину заранее у берега оставляю и тогда уже по объездной дороге возвращаюсь».

Бахилы и осиновый кол

Виктор Федорович сел за рабочий стол заполнять какие-то бланки, а Максиму предложил диван и кофе: «Через час уже, наверное, движение и шатание начнутся, тогда и пойдем знакомить тебя с хозяйством». На улице и вправду смеркалось. Максим так и сделал, проглядывал инструкции, пил кофе, иногда выходил на крыльцо проветриться. Примерно через час ожидания в дверь постучали, и, не дожидаясь приглашения, в кабинет вошел взъерошенный бледный парень лет 27-30, тщедушный и часто моргающий необычно огромными ресницами. Он решительно подошел к столу майора.

– Беда у меня, Исмогилов. Жена пропала. Надо народ поднять и прочесать лес в округе – не могла она далеко уйти.

Майор быстро кинул на парня взгляд и снова принялся заполнять бланки отчетности. Не поднимая головы, бросил ему:

– Садись, Витек, рассказывай все по порядку. Что случилось? Как случилось? Когда? И присядь – ты мне свет загораживаешь.

– Да какой садись, Виктор Федорович, ну! Жена, говорю, пропала. Искать надо. – Тем не менее, парень сел. – Прихожу домой, а ее нет. Везде посмотрел.

– Откуда пришел-то?

Этот вопрос неожиданно поставил Витька в тупик. Он наморщил лоб, затем часто-часто заморгал так, как будто хотел взлететь как бабочка, но в какой-то момент передумал.

– Не помню. Да какая разница! Лизку искать надо, Виктор Федорович! – неожиданно посетитель завелся. – Вы чего думаете – я пьяный?!!

Майор на этот эмоциональный всплеск никак не отреагировал, лишь слегка отстранился, когда парень попытался на него дыхнуть.

– А в бане смотрел? Может там твоя Лиза?

– Не-е-е... – растеряно протянул Виктор, но потом как будто сам себе начал задавать вопросы, – а как она в бане могла оказаться? Она же неходячая? Она бы с крыльца-то никак одна не спустилась? Хотя кресла-то ее в доме не было. Может как-то спустилась сама?

– Ну, а говоришь, что не помнишь ничего. То, что жена неходячая и на инвалидном кресле передвигается, вспомнил же! – Исмогилов отвлекся от бумаг и теперь, казалось, издевался над посетителем.

– Так чего мне – сходить в баню, что ли, посмотреть? – озадачился парень.

– Нет ее в бане. Бесполезно ходить. Сгорела твоя баня, – отрезал майор и, глядя прямо в глаза, собеседнику добавил. – И Лизы твоей нет. Она во время пожара в бане была.

– Так искать не пойдем что ли? – растерялся Витек, до которого смысл сказанного, очевидно, не дошел.

– А рассказать тебе как баня-то сгорела, Вить? – губы Исмогилова неожиданно стали злыми и узкими, в уголках рта появились белые сгустки. – Я тебе расскажу. Женился ты Витя на хорошей девушке Елизавете пять лет назад. Она была, ой, как счастлива – мужиков итак в поселке не много, а она еще и калека с рождения. Кто такую возьмет? Но тут подвернулся ты. Ей казалось – вот же повезло. Ты ее и правда, скорей всего, любил. А еще больше ты любил выпить. И оправдание нашел – дескать, генетически передалось, от родителей. Ничего не поделаешь. Для некоторых родители-алкаши – пример и урок на всю жизнь, чтоб не пить. Для тебя, наоборот – оправдание. Вот ты и заливал. И жену споил – бабы-то скорей к алкоголю привыкают. И вот накатили вы на прошлой неделе самогона и торкнуло вас по пьяни баню затопить. Отвез ты Лизу в затопленную баню да там и продолжили бухать. А потом ты отправился за закуской. Или за водкой – не знаю, это ты сам вспоминай, чего не хватило. Ушел ты, значит, и оставил жену в парилке. Думал – быстро вернешься. После бани, однако, тебя вдруг сморило, странно, как, да Витек? И ты вырубился прямо в подполе. А, может, скатился со ступенек да встать не смог – пьяный же. А баня через некоторое время загорелась. А Лиза ничего сделать не могла – она же неходячая. А может и смогла бы на руках выползти. Если бы не была такой же пьяной как ты. Соседи прибежали тушить, но не успели. Нашли тебя в подполе. Пьяного вусмерть. Там и оставили. Как тебе история?

Баню-то жалко? Отец еще твой строил. Кстати, выпить хочешь? У меня есть.

Исмогилов достал из под стола бутылку, налил окаменевшему Витьке полный стакан и стал тыкать в лицо:

– Пей. Самое время горе залить. В запой уйти. Пей-пей давай. Тебе же к этому не привыкать. Жизнь счастливая – пьем, горе пришло – тоже бухаем!

Витек оттолкнул стакан, расплескав половину, схватился за голову и начал тихонько выть. Майор успокоился, отошел к окну и презрительно, четко разделяя слова, добавил:

– Ты не помнишь, откуда ты шел и не можешь выпить, Витя, не потому что ты от горя умом тронулся, а потому что ты – мертв. Ты мертвяк, Витя. Ты в тот же день, как протрезвел, как узнал все про баню и Лизу – повесился. У меня на столе акт о твоей смерти. Сегодня ж как раз девятый день. Ты должен был прийти, и – пришел. Теперь, Витя, ты – мертвяк. Осваивайся в новом качестве – на сороковину придешь отметиться. Решим, что с тобой делать. А теперь иди к своим.

Исмогилов уже без злобы, крепко взял Витька за плечо, отвел к двери (парень шел сам, лишь изредка поскуливая) и тихонько вытолкнул в темноту.

Максим во время беседы даже не притронулся ни к инструкциям, ни к кофе. Он подошел к двери и пытался в темноте разглядеть удаляющуюся фигуру впервые увиденного им живую, ну, так получается, мертвяка.

– Виктор, разреши я догоню этого... Пообщаюсь, ну и по-

трогаю хотя бы...

– Макс, ты педик, что ли? – Исмогилов, казалось, искренне удивился. – Чего тебе приспичило – мужика ночью трогать?

– Да не. Я мертвяка первый раз вижу. Надо же как-то входить в курс дела.

– Остынь, Максим, увидишь еще. Никакой он не мертвяк. Нормальный парень. Живой. Просто бухает сильно. Редко, но сильно. Год не пьет, а каждый год ровно один раз как на пару недель загудит – так себя не помнит. И с Лизой у него нормально все. Ее родители во время Витькиных запоев к себе забирают – он ухаживать же не может в таком состоянии. Я ему после каждого запоя новую историю придумываю. Он на почве стресса в завязку уходит.

– Не перебор?

– Не. Иначе бы еще пару недель бухал. Ну и я так тренируюсь. Точней – в форме себя держу.

– В какой форме? Тут регулярно приходится алкоголиков запугивать?

– Это стандартная процедура, Максим. Считается, хотя научных обоснований и нет, что для того, чтобы улучшить производительные мощности усопшего, необходимо в первый же день появления, то есть на девятые сутки после кончины, нагрузить его эмоциями максимально. Вплоть до катарсиса. С девятого по сороковой день эмоции начинают угасать. После сорокового дня мертвяк уже не способен их

испытывать. Может лишь имитировать какие-то чувства за счет ярких воспоминаний. Чем ярче впечатления при жизни или в первые дни после смерти – тем больше стимулов у мертвяка нагружать мозг. Так и получает наша страна супермозги, все как в жизни, не находишь?

– А если погиб не трагично? И нет такой истории, чтоб прямо до катарсиса? Погиб, допустим, как-нибудь глупо – косточкой подавился или, не знаю, во время тяжелой работы сердце не выдержало, как у таких потрясение вызывать?

– В этом, Макс, и состоит тренировка – придумывать каждому свою историю. И жителей надо примерно всех знать. Кто как живет, чем дышит.

Озадаченный Максим вернулся в кабинет. Исмогилов между тем продолжил инструктаж.

– Мы идем знакомиться с нашим контингентом, поэтому сразу о том, как себя вести с мертвяками. Они, как правило, выползают в поселок только по ночам. Могут и днем, конечно, но обычно – нет. Негласное правило сосуществования мертвых и живых. Также и живые обычно по ночам сидят по домам. Только мы с тобой – выходим и работаем. По мере необходимости, разумеется. Сейчас ты пойдешь к местному доктору Антон Палычу, я его уже предупредил. Во-первых, он тебя определит квартироваться к местной продавщице – у нее хорошие условия. А, во-вторых, расскажет все по науке – зачем здесь мертвяки, откуда и все такое. А я пройду по объекту. По дороге пару чудиков, полагаю, встретим. Так и

увидишь своих первых мертвяков. Полапаешь, гы-гы-гы.

– Я в такой темени дорогу-то найду?

– Найдешь – там издали вывеску видно. В принципе мертвяки безопасные, но возьми на всякий случай вот это. Бахилы и осиновый кол.

– Эта палка теперь мое табельное оружие? Виктор, ты серьезно? А сам тогда чего не «вооружился»?

– Так потому что меня здесь уже все знают, а ты новенький. Бахилы, видишь, я тоже беру. Тут дорога глинистая и местами лужи. А у тебя кроссовки – светлые. Обувь не жалко – не надевай.

Про осиновый кол Максиму почему-то не очень верилось, да и на ощупь он не походил на деревянный, а скорей на пластиковый бильярдный кий. Чувствовал он себя с этой палкой и в бахилах глупо, но Исмогилов тоже их натянул на ботинки. Ну чего уж.

Обычно ночью в глухомани крошечная темень. Максим, городской житель, помнил это по поездкам на дачу. Выйдя из кабинета отделения, ему сначала показалось, что здесь будет так же. Однако, привыкнув, глаза стали различать очертания домов, затем невдалеке метрах в пятистах он увидел яркие и большие неоновые буквы магазина, даже разобрал надпись про мясо.

– А вот, Максим, и твой первый мертвяк. Видишь, там, на крыше дома мужик сидит и рукоблудием занимается? Левой, ага, там, да. Это он таким образом WiFi раздает. Ты уже

подключился?

– Да, в смысле кого-то вижу, но разобрать от чего он там дергается, не могу. К сети, нет, не подключался.

– Ну и правильно. Я тоже брезгую. Единственный кабель, по которому связь и интернет от города до нашего отделения, по дну реки проложен. Традиционная точка доступа только через аппаратуру в отделении. Хотя можешь и через мертвяков подключаться. Ладно, завтра об этом. Видишь, да, магазин с вывеской? Тебе к нему. Иди прямо по дороге на свет. Там с одной стороны сразу увидишь вход в магазин, тебе туда не надо, тебе с другого торца дома заходить. Справа. В этом доме и магазин, и квартира докторская. А как побеседуешь с Антон Палычем, обойдешь дом и уже – на ночлег. До завтра.

Задание руководства

Максим отошел от отделения на приличное расстояние, то и дело скользя по глинистой дороге, бахилы оказались отнюдь не розыгрышем, свернул туда, где, как ему показалось, никого нет – к забору дома, в котором не горел свет. Зябко поежился – стоило, наверное, выпить рюмку коньяка... Ведь не могло же у Исмогилова не быть коньяка, если есть водка. Он представил, как спиртное согревает изнутри, стекая по пищеводу, и его снова передернуло. Оглядевшись по сторонам, он убедился, что поблизости никого нет.

И только удостоверившись в полном одиночестве, присел на корточки как ему будто приспичило сходить по большому. Так это выглядело со стороны, но только выглядело. Максим достал из рюкзака увесистый конверт из плотной бумаги с гербовой печатью. Из конверта вынул толстый планшет неизвестной марки. Затем – маленькие наушники и блокнот с ручкой. Один наушник спрятал в нагрудный карман, другой сунул в ухо – все равно оказалось неудобно держать и планшет, и блокнот с ручкой да еще и осиновый кол подмышкой. Поерзав, он нашел на засыхающей траве наиболее сухое место, бросил туда рюкзак, на него – планшет, осиновый кол – рядом. На коленке решил записывать. Хотя ноги и затекали, но в доме, куда его определили на ночлег, получать задание от руководства не стоило. На всякий

случай. На планшете хранился звуковой файл с инструкциями о задании, который самоуничтожился после прослушивания. Инженер Боширов-Петров нажал на воспроизведение. На экране появилась статичная заставка – кадр из фильма «Ходячие мертвецы», а в наушнике послышался голос его куратора, генерала, которого он никогда не видел вживую:

«Значит, так, Максим Андреич. С момента получения задания и вплоть до его завершения ты для всех – местного населения, Исмогилова и доктора, – не военный инженер, а действующий оперативный сотрудник ФСБ в чине капитана. В горячей точке по легенде ты был не как армейский, а именно как сотрудник Федеральной службы безопасности. Этой легенды и придерживайся. О твоей инженерной специальности никто не должен знать.

От себя лично. Соболезную. Извини, что долго держали тебя в неведении, но сейчас ты, наконец, понимаешь, учитывая последние трагические события, почему на этот объект послали именно тебя.

Теперь к делу. В общих чертах характеристики объекта тебе описали. Мы осуществляем охрану объекта и обеспечиваем его нормальную жизнедеятельность. О том, чем занимаются на объекте, мы, то есть те, кто осуществляет возложенные на нас функции за периметром, имеем общее представление. Если кратко, то на объекте находится то, к созданию чего ученые запада только приступили, а именно – Искусственный Интеллект. Это их название, у нас он не ис-

кусственный, а скорей биологический, но суть примерно та же. Он занимается разработкой вооружений, научно-техническими изысканиями и, насколько я понимаю, чем-то в области социальной инженерии. Его вычислительные мощности в миллионы раз превышают мощности всех компьютеров в мире. Исходя из описания объекта, ты понимаешь, как спецслужбы стран нашего вероятного противника хотели бы на объект проникнуть. Узнать, что он из себя представляет, а еще лучше заполучить образец нашего Искусственного Супер-Интеллекта. Наша первоочередная задача – не позволить узнать о расположении объекта и жестко пресечь любые попытки на него проникнуть.

Пока с этими задачами мы успешно справляемся. Однако спецслужбы, не зная, что именно находится на объекте, совершают регулярные попытки к нему хотя бы приблизиться. С трех сторон объект окружен естественными природными и непреодолимыми преградами, как-то – горы, тайга, болота. В основном, конечно, горы. С четвертой стороны объект огибает река, по которой ты прибыл, двигаясь по течению. Это единственный способ добраться до объекта. Этот путь полностью под нашим контролем. Воздушным транспортом добраться практически невозможно – спасибо ПВО. После поселка, далее по течению, на сотни километров нет никаких населенных пунктов. Мы контролируем, чтоб такие поселения не появлялись. Это диспозиция.

Теперь о стоящих перед тобой задачах. Их три. Первая –

официально для всех, в том числе для местного населения. В связи с участвовавшими попытками агентов иностранных разведок приблизиться к объекту или даже на него проникнуть, ты прислан на усиление. Понимаю, это не совсем твой профиль – ты военный инженер, а не охранник. Тем не менее – базовые навыки военной подготовки у тебя есть, в реальных боевых действиях участвовал. С армейскими, то есть твоим руководством мы этот момент согласовали. Пока ты на объекте – выполняешь и задачу по охране.

Вторая задача – это технический аудит объекта. Необходимо выяснить – есть ли возможность утечки нежелательной информации с объекта иностранным разведкам? Както – точное местоположение объекта, его характеристики и назначение. Существуют ли такие риски или уже налаженный канал обмена информацией? Мог ли на объекте появиться агент иностранных разведок? Доктору и Исмогилову ты скажешь, что тебя прислали выяснить причину сокращения популяции мертвяков. В детали аудита не посвящай. Руководство считает, что между уменьшением популяции и возможной утечкой информации с объекта есть какая-то связь. Составь подробное техническое описание, принципы работы, особенности и уязвимости системы. Это твоя основная задача.

В процессе выполнения второй задачи обрати внимание и выясни причину сбоя некоторых разработанных на объекте образцов техники. Не могли ли западные спецслужбы завер-

бовать наш Супер-Интеллект через виртуальное пространство?

Объяснять, что объект – это наиважнейшая часть обороноспособности страны не буду, да? Тебе предоставлен допуск к ходу любых разработок вооружения, научно-технических новинок и социальной инженерии. Знакомься, выясняй.

Докладывать будешь через выданный планшет. Там иконка «Безопасные платежи» – нажмешь один раз, приложение откроется, твой номер карточки туда введен – осуществляешь платеж, если необходимо. Быстро нажмешь три раза – будет установлен звонок со мной. Набирай в любое время. Исполняй».

На последней минуте воспроизведения в доме за забором вдруг загорелся свет, а как только запись закончилась, во дворе жалобно взвизгнула дверь. «Успел» – отметил удовлетворенно Максим, погасив экран на планшете, и потихоньку, не вставая, стал укладывать в рюкзак обратно все, что достал.

В это время за забором, судя по всему, пьяный глава семейства распекал сына: «Что ж ты семью и страну предаешь! В глаза мне смотри и признавайся, за сколько ты продался америкосам, чтоб такими оценками Родину позорить!» После минутной паузы отец продолжил: «На Западе только прикладные мыслишки стоимость имеют, от того они и копят богатства в скучных условиях жизни, а у нас в стране

за каждым чихом – осмысленность, имеющая духовную ценность. Нам заменители не нужны. А откуда у тебя осмысленность появится, если ты тройки по рисованию и математике получаешь и общую успеваемость по стране портишь?» – «Че я порчу, ниче не порчу» – флегматично возразил сын. «Что?!» – переспросил взрослый и, пропустив мимо ушей возражение сына, продолжил: «Вот смотрят враги Отечества со спутника на твои оценки сейчас и злорадничают! И злорадничают себе на уме – слабая страна у них, раз дети так плохо учатся. Не фиг дело ее захватить! Ты ж безопасность державы подрываешь! Кого я вырастил? Врага, получается! Ты хоть это понимаешь?!» – Сын, похоже, был привычным к алкогольному патриотизму, а потому, зевая, миролюбиво, предложил: «Бать, ну реально уже спать хочу. Пойдем в дом. Ты и так старое лицо носишь да еще водку в него льешь. Станешь как торфяник – мамка любить перестанет». – «Молчи, отпрыск! Это из тебя еще неизвестно что выйдет, а из нас с мамкой – ты вышел! То ли хороший сын, то ли предатель Родины плохими отметками!». Тут дверь в дом снова взвизгнула, женский голос что-то прошипел, звякнула кастрюля, отец испуганно пробормотал: «да иду я, иду». Красный огонек описал плавную дугу, окурок упал буквально в метре от Максима. Стало тихо. Вонь сигаретного дыма резко контрастировала с запахом грибной сырости.

Капитан втоптал окурок, и отправился к доктору. Русский народ живет для того, чтобы Запад о себе много не возомнил

– подытожил Максим, то ли передразнив домашнего патриота, то ли цитируя что-то давно забытое, возникшее из уснувших, казалось навечно, ассоциаций.

Трепанация Надежды

Этот удушливый сладковатый запах бабских духов, смешанный с потом, бока со складками, красная помада на бледном от пудры лице, сквозь которую иногда в периоды внутреннего напряжения проступали красные пятна, низкий голос... И, да, эта манера на ровном месте сбить тебя с толку каким-то гипнотизирующим напором, убедить, хоть и на короткое время в чем угодно, любой глупости, даже в том, против чего восстают разум, жизненный опыт и элементарная логика одновременно. Как все это может привлекать?

Доктор Антон Палыч хотел разобраться в природе своих чувств к Надежде, но не мог. Да и что это были за чувства? Точно не вожделение. Случившийся между ними однажды деловитый секс, разумеется, нельзя назвать случайным уже в силу того, что доктор к нему заранее фармакологически подготовился, – все-таки возраст, – как нельзя было его назвать страстью или наваждением. Доктор просто захотел проверить – не заурядное ли вожделение является причиной странного влечения к ней. Проверил и более повторять телесные упражнения Антон Палыч не хотел. Значит природа его чувств к ней точно не имела плотской основы и не потому, что такой опыт тактильного общения разочаровал. Методом исключения он вылепил в голове наиболее комфортную форму сосуществования с Надей. Накатить вечером двести

грамм коньяка или водки и прийти в магазин, чтобы помурлыкать. Именно состояние легкого опьянения да ее присутствие каким-то странным образом создавали в душе уют и спокойствие. Хотелось вести с ней тягучий разговор с вкраплениями ленивого и расслабленного флирта. Слушать глупости. И все же – что это? Экзистенциальная похоть?

Отсутствие вожделения, – не полное, иногда порывы возникали, и он точно знал, что предложи еще раз повторить, она бы деловито и буднично согласилась, а потому сразу их гасил, – Антон Палыч списывал на возраст и даже не заморачивался. Благо, есть дела интересней. Однако вопросы оставались. Чем может эта примитивная во всех отношениях особа привлекать его? Когда она между делом обмолвилась, что закончила педагогический институт, он не сразу поверил. Ему казалось, что высшее образование через мимику, жесты, речь меняет человека так, что выделить его из толпы можно безошибочно. Хотя, давно ли он выезжал в город, чтоб это помнить? При том, выделить даже в том случае, – Антон Палыч в это истово верил, как верил в силу науки, – если человек совсем деградировал или вообще ни разу в жизни не прикасался к полученной некогда профессии. В Надежде же ничто не выдавало даже мимолетную принадлежность к студенчеству – как будто высшее образование прошло рядом или через нее, как вода через сито, не оставив вообще ничего. В этом отношении ее мышление было девственным. Так чем же? Чем?

Этот вопрос мучал Антон Палыча последние несколько лет. Сначала пунктуационный крючок только щекотал ноздри, а затем расплылся во все заполняющую черную кляксу, навязчивую идею. Конечно, будь у него опыт семейной жизни, хоть сколь-нибудь длительных отношений он бы сопоставил это влечение с предыдущим опытом, классифицировал, объяснил для себя все и успокоился. Однако такого опыта у Антон Палыча не было. Наука стала его женой уже в студенчестве.

В результате доктор стал искать корень проблемы, если можно назвать это проблемой, единственно доступным ему методом. А именно – научным. Ничего глупей в обычной жизни нельзя было придумать, именно поэтому в данном случае это оказалось самым разумным. Почему? Потому что в распоряжении Антон Палыча имелся самый мощный компьютер в мире, точнее – Искусственный Интеллект. Обычный психиатр или детектив, обладая ограниченным набором инструментов – психологических тестов, методов анализа личности человека – провозился бы с поставленной задачей тысячу лет. А с помощью правильно запрограммированного мертвяка можно было использовать абсолютно все передовые современные методики и психологической диагностики сразу. Совместить полученные данные и получить объективную картинку. Вот оно решение! Препарировать, кстати сказать, Антон Палыч собирался не себя, что было бы логичнее, а – Надежду.

Задача была поставлена такая. Составить реальную, а не отредактированную под представления Надежды биографию женщины, выяснить из истории ее жизни, из составленных психологических и физиологических характеристик, – что может привлекать Антон Палыча? Для этих целей доктор изъяс под свои нужды мертвяка, и поселил в подвале. Вместе наметили, какие знания необходимо «закачать», и каким образом Антон Палыч будет выпытывать у Надежды детали биографии и подробности жизни. Почти два месяца доктор посещал Надежду, вел закамуфлированные под непринужденную беседу допросы. Выпытывал, согласно указаниям мертвяка, в нужной последовательности: как училась, какие любимые блюда, кем себя видит, чем запомнилось то или иное событие, почему не сразу, отчего все так, быть или не быть и еще много подобного. Скрытно записывал ответы, реакцию на видео, аудио или в виде рукописных конспектов и передавал собранный материал равнодушному напарнику для анализа. Мертвяк также собирал все упоминания о Надежде, ее скудного окружении в социальных сетях, новостных сообщениях, переписках однокашников, судебных актах и официальных документах. Массив данных оказался большим, но не для мертвяка.

Отчет оказался готов незадолго до появления капитана Боширова-Петрова, оцифрован и скинут на компьютер для приятного вечернего чтения. Антону Палычу с одной стороны не терпелось прочесть, с другой, по заданию генера-

ла, необходимо было протестировать гостя на предмет его благонадежности – а к допросу в виде непринужденной беседы необходимо готовиться. Долго и старательно. Надо ли объяснять, что подготовке к разговору с Максимом доктор решил уделить минимум времени, рассчитывая, что для начала стандартным методом погружения допрашиваемого в непривычные обстоятельства пошатнет основы его мировоззрения. А продолжит чуть позже. Да и разговор он решил не затягивать, а отделаться от посетителя как можно скорей. «Пошатнем – пусть созреет, в следующий раз закончим,» – тщету успокоил себя Антон Палыч и открыл файл с восстановленной мертвяком биографией Надежды.

Что же удалось выяснить? Продавцом и владелицей магазина Надежда Петровна стала по праву наследства. Ее мать всю жизнь проработала в сельмаге, затем должность передала дочери. Дочь училась в областном центре в институте, где не без труда закончила филфак по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Как-то незаметно для себя осталась строить карьеру в городе. Мать звала в письмах Наденьку обратно, но влюбленный однокурсник по окончании учебы пристроил работать в пресс-службу небольшой фирмы, торгующей стройматериалами. С однокурсником затем не сложилось, платили в фирме немного, но мать помогала – девушка не бедствовала, даже позволяла себе регулярно шиковать, покупая модные вещи, оплачивая общие с друзьями счета в ресторанах.

Как-то незаметно через несколько лет Наденька возглавила пресс-службу мэра областного центра. Отправляла редакциям СМИ по факсу пресс-релизы, пила чай с журналистами, составляла отчеты о публикациях, где упоминался мэр и администрация города. Иногда с выпученными глазами прибегала в кабинет к мэру с газетой в руках, тыкала пальцем в статью «нет, вы только полюбуйтесь!» и, брызгая слюной, исполняя энергичный танец губ и бровей, убеждая активной мимикой шефа, что все пропало. Надвигается катастрофа, против мэра объединились все элиты и готовы стройными рядами под звуки марша выступить и свергнуть. Представления о пиаре в те времена были смутные, как и сами времена, убедить старенького мэра можно было в чем угодно – для этого хватало перечислить негативные эпитеты и прилагательные в статье. Даже если эти коннотации не относились к градоначальнику. Регулярные истерические всплески, по ее мнению, подтверждали компетентность Наденьки как главы пресс-службы в глазах начальства.

Журналисты, впрочем, ее не жаловали. Не любили не столько за истеричность и привычку раздувать из любой мелочи проблему вселенских масштабов, сколько из-за того, что она была заурядной душой с непомерно раздутым самомнением. Разумеется, в ее редакции эта нелюбовь объяснялась завистью и политическими интригами, которые плела против ее шефа администрация губернатора.

Однажды бойкий репортер, статью которого она как-то

представила мэру как враждебную, в рамках муниципального заказа принес свой хвалебный материал о градоначальнике для того, чтобы наладить отношения. Надежда милостиво приняла статью на вычитку, перед этим, снисходительно подчеркнув, что такой выпад, который допустил репортер в прошлом, не смыть никакими извинениями. Только кровью. И вообще его счастье, что она соизволила новый материал просто взять в руки. Статья, к удивлению Надежды, оказалась наполнена искренним восхищением автора управленческими талантами мэра, приводились примеры его мудрых решений, благодаря которым городской бюджет сэкономил миллионы рублей. Позитивные эпитеты, прилагательные, характеризующие достоинства мэра, били через край. Уж насколько привычной Надежда была к восхвалениям, но даже она сочла необходимым сократить несколько приторно экспрессивных формулировок. С репортером заключили мир, статью пропустили в печать. И даже оплатили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.